

ЛЮБОВЬ ЗЛА И КОВАРНА

В Л А Д И М И Р

КОЛЫЧЕВ

В Л А Д И М И Р
КОЛЫЧЕВ

ВЕРНАЯ
НЕВЕРНАЯ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Верная неверная / Владимир Колычев. — Москва : Эксмо, 2016. — 352 с. — (Колычев. Любовь зла и коварна).

ISBN 978-5-699-92830-9

Думала ли Юля, оставшись круглой сиротой, что не минует ее эта горькая женская участь: любить одного, а жить с другим. Клим — прошедший войну, работающий, надежный. Кто, как не он, должен быть в ее сердце? Но повстречался Юле на пути Дима, сын директора школы, начинающий предприниматель. И влюбилась она в него — как в омут с головой, бросила и мужа, и ребенка. Но беда подстерегает даже удачливого. Дима украл у бывшей любовницы деньги, хотел начать новую жизнь, но «попал под раздачу». Избили его бандиты до полусмерти, ограбили, угнали машину и вдобавок — на Юлю глаз положили. Туго бы ей пришлось, не вмешайся в дело Клим, бывший афганец и по совместительству... обманутый муж.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колычев В., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-92830-9

Часть первая

Глава 1

Резкие, косые прочерки автоматных очередей простреливали воздух с двух сторон. Они пересекались на большом камне, выбивая из него мелкие осколки, которые больно впивались в лицо. Клим страшно рисковал, поднимая голову, но и сидеть, не высываясь, никак нельзя. Не будешь отстреливаться, «духи» подойдут совсем близко, и тогда все. У него СВД, двоих он уже уложил, может, еще и третьего, если повезет, завалит. Но это край. Минут пять осталось, максимум десять. Тут и «вертушки» не спасут: слишком уж близко подобрались «духи»...

Рядом, в зазор между камнями, с глухим стуком что-то упало. Клим не стал смотреть, что это было. Даже сквозь дробный треск перестрелки слышно, как прогорает в запале пороховой за-

медлитель. Если слышно, значит, граната совсем рядом. Сейчас рванет!..

Клим открыл глаза и оглох от тишины. Он лежал на остывшей, но все еще теплой печи, прямо над головой — деревянный потолок. Чуть в стороне поскрипывал подоконник — то ли ветер его цепляет с той стороны, то ли домовая играет. Дом старый, деревянный, он живет своей жизнью.

Клим глянул на часы. Так и есть, половина пятого утра. За окном еще темно, но ему пора подниматься. Сельская жизнь — она такая: лежа на боку, много не наработаешь. Да и нет у него желания залеживаться на печи. Три года в зиндане провел, насиделся в тесноте — на всю жизнь хватит.

Он помнил, как рядом с ним взорвалась граната, изувечив лицо. И пуля в ногу попала, кость перебила. «Духи» взяли его в плен едва живого. Могли бы и добить на месте, но Климу повезло... Это он сейчас так считает, что повезло. А в зиндане в голову лезли совсем другие мысли. Там Климу хотелось умереть...

Он сбежал из плена, вышел к своим, пару месяцев провел в госпитале, а потом вернулся домой — с изуродованным лицом. Устроился на работу в колхоз. Мужики ничего, относились с пониманием, а бабы косились на него, шушукались. Кто-то брезговал, кто-то жалел, но никто не оставался равнодушным к его уродству. Так и жил, пока не обзавелся собственным фермерским хозяйством. Купил за бесценок дом на выселках, возродил из

пепла списанный трактор. Вспахал на нем землю, засеял, собрал урожай. Видно, Бог воздал ему за страдания, земля уродила богато. Только вот трактор сломался. А землю снова нужно пахать. Двигок нужно перебирать, поршни менять и кольца, а дело это непростое. Но ничего, Клим справится. И землю вспашет... Он сильный, он справится. А одиночество его не пугает. Он к нему привык...

Клим спустился с печи, встал на обе ноги, и гнилая половица с хрустом проломилась под ним. Он лишь усмехнулся, ничуть не раздражаясь. Он жив, деньги на новые доски у него есть, руки откуда нужно растут, а главное, дни впереди длинные — с раннего утра до поздней ночи. Разберется с трактором, вспашет землю, а ближе к зиме займется домом. В свое удовольствие.

* * *

Капли дождя стучали о подоконник, разбавляя гнетущую тишину, которая, казалось, давила на одеяло, утяжеляла его. Эта тишина мешала спать. Юля лежала с закрытыми глазами, но уснуть не могла. Мамы нет, она ушла к другому, сбежала от отца, от дочери. Она ушла, после нее осталась только тишина. Юля знала слова, которые она должна сказать маме, если та вдруг вернется. Она скажет все, что про нее думает. А может, не надо ничего говорить? Вдруг мама обидится и снова уйдет? А она не хотела ее терять.

Слуха коснулся неприятный звук — то ли ветер в проводах запутался, то ли кто-то простонал сквозь зубы. Что, если это папа не смог сдержать свою боль?.. Юля не хотела выходить из комнаты. Вдруг с бабушкой Клавой столкнется, а у нее такой слезливый взгляд. И голос приторный. Назовет «бедной деткой» и посмотрит так жалостливо.

И все-таки Юля вышла из комнаты. Отца она увидела на кухне, он сидел за столом, низко опустив голову, рядом стояла его мама — крупная пожилая женщина в халате поверх ночной рубашки. Обычно собранные в гулю волосы сейчас были распущены.

— Поплачь, легче станет, — сказала бабушка, с грустью и болью глядя на сына.

— Сколько уже плакал. Не становится легче, — всхлипнув, сказал он.

— Не надо плакать! — мотнула головой Юля.

Она и сама уже собиралась расплакаться.

— Не буду. — Папа козырьком приложил ко лбу ладонь, чтобы Юля не видела его слезы.

— Не надо! — Девочка просительно сложила на груди ладошки.

— Не будет, бедная детка, не будет. — Бабушка обняла ее, отвела в комнату, уложила в кровать.

— Я не бедная детка, — мотнула головой Юля.

— Нет, конечно...

Бабушка села прямо на пол. И нежно гладила Юлю по волосам до тех пор, пока та не уснула.

А утром Юля узнала недобрую новость. Оказывается, ее отец ушел искать маму. Ушел и пропал.

Бабушка рассказывала об этом дрожащим голосом, и слезы текли из ее глаз.

— Значит, мама ушла далеко. И папа долго будет ее искать. Чем дальше она ушла, тем дольше он будет ее искать.

— Очень далеко ушла, — всхлипнула бабушка. — Очень далеко.

— Папа обязательно ее найдет.

— Вернет. — Бабушка посмотрела на окно и ладонями закрыла лицо.

— И домой заберет.

Юля понимала, что бабушка темнит, ей и самой хотелось плакать, но детская вера в доброе и светлое сдерживала слезы. Она не могла не верить, что папа вернется. А если он еще и маму обратно приведет.

— Заберет. Обязательно заберет... Ты пока дома побудь, а мне сходить надо...

— Куда сходить?

— Надо. — Бабушка беспомощно махнула рукой на дверь.

Она ушла, закрыв Юлю на ключ. Вернулась она поздно вечером. И спать Юлю уложила. Она гладила девочку по волосам, а из ее глаз катились слезы.

— Папа обязательно вернется, — приговаривала она. — Обязательно вернется.

Утром она ушла снова, после обеда вернулась, собрала вещи и сказала, что им нужно уезжать в деревню.

— А как же папа? — возмутилась Юля.

— Он уже нашел маму, — едва сдерживая слезы, сказала бабушка.

— Они что, в деревню собираются вернуться?

— Нет, папа остался с мамой... Он пока что не может вернуться. А если вернутся, то в деревню. И тебя оттуда заберут.

— Ты не врешь?

Бабушка мотнула головой, закрыв глаза. И Юле стало стыдно. Бабушка никогда не обманывала, и как она могла задать ей такой глупый вопрос?

* * *

Автобус ехал по тряской дороге, пыль врывалась в салон через щели в полу, через открытые окна. А еще водитель нещадно дымил сигаретой. У Юли слезились глаза, чесалось в носу, она чихала.

Сидящая сбоку через проход женщина в клетчатом платке долго и с насмешкой смотрела на нее. На коленях у нее стояла корзина, и сидящий в ней гусь также смотрел на Юлю. Устало смотрел, грустно. А пухлая девчонка с широким и будто подрубленным снизу носом щелкала семечки, выплевывая в окно. На пыль, которая лезла в это окно, она не обращала ни малейшего внимания. И Юлей она нисколько не интересовалась, хотя была примерно одного с ней возраста — тринадцать-четырнадцать лет. Хотя, надо сказать, выглядела она не в пример старше.

— Сразу видно, городская фифа! — фыркнула деревенская женщина с гусем.

— Где фифа? — всколыхнулась пухлая девчонка.

Лицо у нее широкое, щекастое, а глазки маленькие, как бусинки, рот тоже маленький, губы тонкие и в налипшей коже от семечек.

— Это не фифа, это фифка! — выдала она, с глумливой насмешкой глядя на Юлю.

— А ну цыц, мелкая! — грозно глянула на нее бабушка Клава.

Но женщина с гусем заступилась за свою дочь.

— А ты, Клавь Петровна, на мою Альку не цыкай! — Она вскинула голову, расправила плечи.

Все бы ничего, но гусь, глянув на нее, со страху опустил голову.

— А я, Маня, на тебя сейчас цыкну! — Бабушка тоже расхорохорилась.

— А ну попробуй!

Женщина, которую назвали Маня, впихнула корзину с гусем в руки дочери, с угрожающим видом поднялась со своего места, но автобус вдруг резко затормозил, и ее по инерции понесло дальше. Она попыталась схватиться за верхний поручень, но промазала и рухнула в проход между сиденьями.

— Ну, ты баран! — взревела Маня, обращаясь к водителю — высокому костлявому мужчине с вихрастой головой.

— А кто тебе вставать разрешил, дура? — не остался в долгу водитель.

Он нажал на кнопку, дверь с легким приятным шипением открылась.

— Кто дура? — взывала женщина.

Ее дочь не сказала ничего. Она схватила гуся и швырнула его на водителя. Гусь заголосил, замалхал крыльями, заставив мужчину обхватить голову руками. Мать и дочь засмеялись.

Водитель схватил гуся и, вскочив со своего места, вышвырнул его в открытую дверь.

— Ты что ж творишь, бестолочь? — набросилась на него Маня.

— И ты давай! — Водитель вытянул руку, показывая на дверь. — Вон!

— Сейчас ты сам у меня вылетишь!

— Автобус дальше не идет!

Женщина по имени Маня хотела сказать что-то еще в том же скандальном тоне, но в автобус зашел сильно загорелый, плотного телосложения мужчина с безобразным, разветвленным, как молния, шрамом от уха до рта.

Край верхней губы был оттянут к этому шраму, может, потому казалось, что мужчина зловеще улыбается. На самом деле взгляд его выражал совершенное спокойствие. Не теплый взгляд, но и не холодный. На руках он держал того самого гуся, которого водитель выкинул из салона. Мужчина спокойно гладил его по крылу, и гусь, казалось, боялся пошевелиться.

И Маня притихла, глядя на мужчину. И дочка ее подалась назад, к своему месту.

— Это мое! — Маня протянула руки к птице.

Мужчина едва заметно кивнул, передал ей гуся. Маня подалась в сторону, пропуская вошедшего. А шел он медленно, слегка припадая на одну ногу. И все, кто находится в автобусе, замороженно наблюдали за ним. Его не смущало всеобщее внимание, он шел, ни на кого не глядя. Только по Юле скользнул взглядом.

Своим видом он мог вызвать отвращение, возможно, потому он так посмотрел на Юлю — успокаивающе, умиротворяюще. И столько внушения было в этом его взгляде, что чувство брезгливости умерло в самом зародыше. Осталась только жалость.

Мужчина сел на заднее сиденье, и автобус поехал дальше. Водитель не сказал Мане ни слова, а та больше не скандалила.

* * *

Село Семирадье раскинулось на большом пологом холме, возвышаясь над спокойным течением широкой реки. Из окон бабушкиного дома можно было увидеть, как блестит на солнце полоска воды вдоль дальнего берега. Но до этого берега далеко, а до огорода рукой подать, а там картошка, капуста, огурцы, и всего так много. А еще хозяйство — корова, куры, утки. И как бабушка со всем этим управляется? При этом она еще и работает на ферме. Тяжелая в деревне жизнь. И без удобств. Вместо ванной маленькая бревенчатая банька где-то у реки, туалет на улице.

Вместо центрального отопления, как в городе, большая русская печька. На стене — часики с кукушкой, но как они тикают, не слышно. Только если прислушаться, можно услышать. Тишина здесь ватная, вязкая, легкие звуки с трудом пробиваются сквозь нее. Во всяком случае, так казалось Юле.

Отец уехал к маме надолго. Возможно, он будет уговаривать ее вернуться. Бабушка говорит, что это может затянуться на месяцы. Или даже на год или на два. Тогда Юле придется пойти в сентябре в местную школу, а она здесь совсем не такая, как в городе, — не очень большая и деревянная, и всего лишь восемь классов. Они проходили мимо, бабушка показывала. Там сейчас тихо, занятия начнутся не раньше, чем через месяц. Вот если бы папа успел вернуться к сентябрю...

Но папы нет, и придется пожить у бабушки. Комната у Юли небольшая, зато своя. Железная кровать, отдельная кирпичная печь размером с одностворчатый шкаф. На стенках потемневшие от времени обои, краска на полу местами облуплена — никакого сравнения с тем, что было в городе. И зачем только мама ушла от них? Почему она такая жестокая?

Когда бабушка зашла в комнату, по щекам Юли текли слезы.

— А вот сырость здесь разводить не надо. Знаешь, что от сырости бывает? Сороконожки разведятся. Знаешь, что это такое?..

Юля знала, что такое сороконожка, и слезы потекли еще обильнее.

— Ну, хватит! Хватит! — Бабушка обняла ее, поцеловала в темечко.

Руки у нее грубые, шершавые, но такие теплые. Юля стала успокаиваться.

— Когда папа вернется?

— Если ты будешь его ждать, то не скоро.

— Как я могу его не ждать?

— Ждать можно, а торопить не надо. Жди его, но не торопи. Будешь торопить, он не скоро вернется.

— А как не торопить?

— Когда человек в гостях, он торопит время. И ты торопишь, все домой рвешься. А ты не рвись, представь, что ты поселилась у меня навсегда.

— Я не могу это представить.

— А ты представь. Завтра я тебе работу дам, кур накормишь, огурцы соберешь. А как за нашей Буренкой ухаживать, я тебе прямо сейчас покажу... За работой время летит незаметно...

Юля вздохнула. Не приучили ее к грубой деревенской работе, и если она возьмется за дело, то время, напротив, растянется на целую вечность. Но делать нечего. Она привыкла слушаться взрослых, и если бабушка сказала «работать», значит, от навоза и огорода ей не убежать.

Глава 2

Первое сентября, школьная «линейка», громкие речи, бравурная музыка из охрипшего динамика. Вроде бы и сельская школа, но все как в городе,